

84(2Рос=Манс)

К Ш 51



ГЛАЗА

БЕЛОЙ

НОЧИ

Ю. ШЕСТАЛОВ

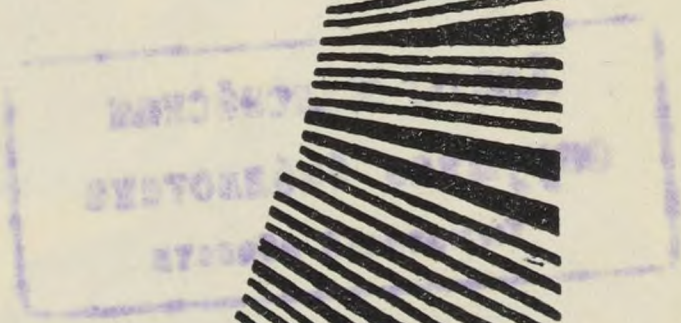


Ю. ШЕСТАЛОВ
ГЛАЗА БЕЛОЙ
НОЧИ



Ю. ШЕСТАЛОВ

**ГЛАЗА
БЕЛОЙ
НОЧИ**



К С МАН / м 82
Ш 51

Стихи мансийского поэта Ювана Шесталова колоритны и оптимистичны. Книга составлена в основном из стихотворений о суровой природе Севера, о мужестве и благородстве северян, земляков поэта.

Пусть народы малы,
Душа глубока, как белая ночь.

Автор всеми корнями своего творчества связан с родной землей, с народом, с народным творчеством. Поэтому стихи Шесталова человечны, раздумчивы, сверкают яркими деталями и образами.

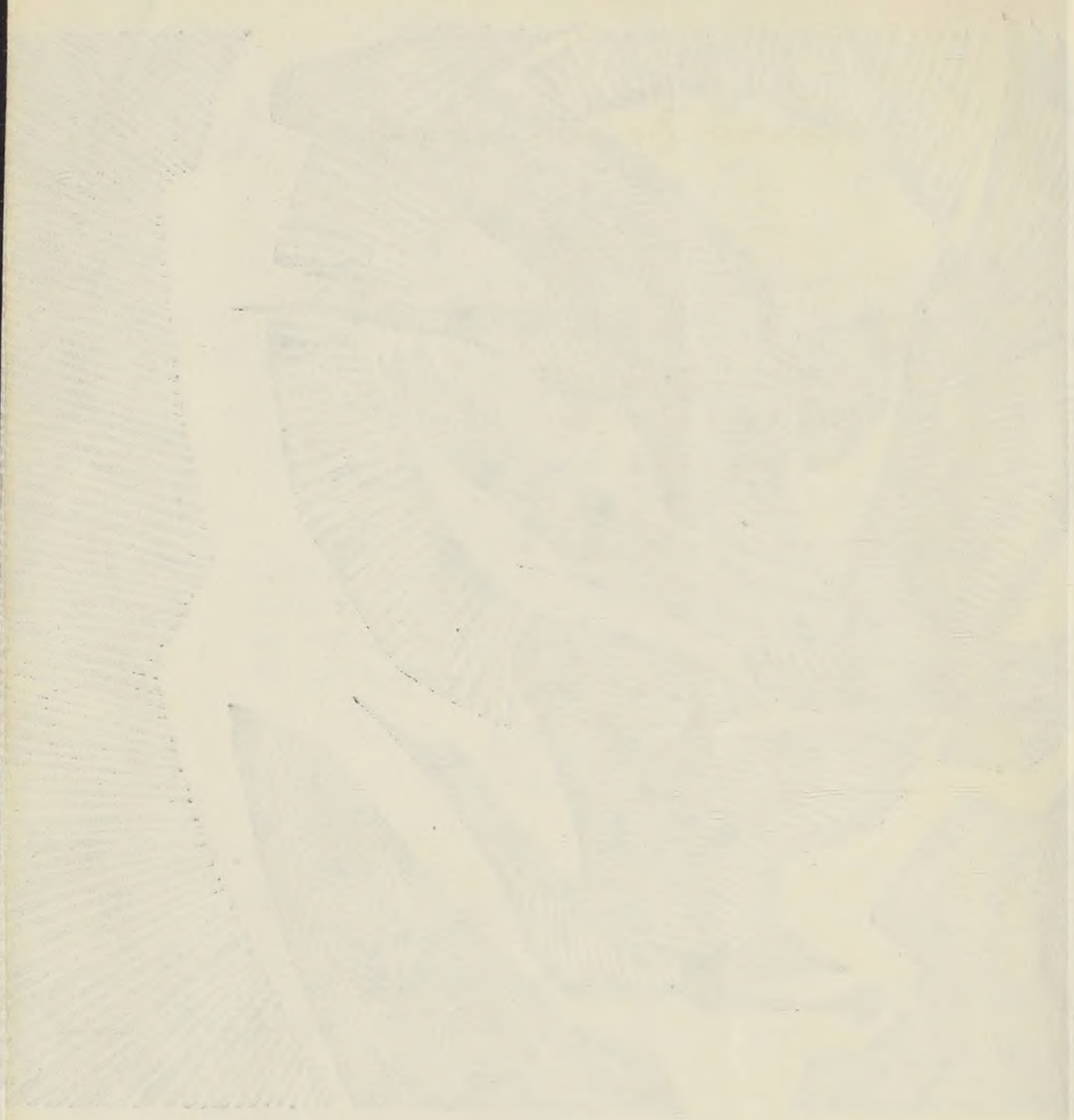
95170 кр

Ханты-Мансийская
окружная библиотека
Тюменской области

Краеведческий
7—4—3
223—67
ФОНД



Таежные сны



LEAF OF *ADiantum*

Глаза белой ночи

Есть у меня глаза,
Есть глаза у огня.
И у белой ночи,
Как у мудрых женщин,
Зоркие глаза.

В зимнюю черную ночь
Я их вижу во сне.
Я их вижу тогда,
Когда стоит мороз,—
Такой стоит мороз, что я чувствую
Мозг внутри своих костей!..

Мне снятся они,
Как в снегу может сниться
Тепло.
Под звон сосен
Они снятся мне,
Как глаза моей желанной!..

Светла белая ночь,
Светлее речки, в которой
Видны все рыбы насквозь...
Эта белая ночь —
Словно мир-суснэ-сам¹.
В эту белую ночь
Я — как мир-суснэ-хум².
Я все вижу и слышу:
Вон как будто на лыжах
Проскельзнула гагара,
И радугой брызги
Над плесом сияют.

Вот гнется травинка
Под ветром-кнудом.
Вон жужжит злой комар.
А вот дом, как душа:
В нем двери — открыты.

Где-то стон ползет,
Где-то ласка летит,
С ветки на ветку
Как белка летит.

¹ М и р - с у с н э - с а м — глаза, пронизывающие мир, землю, вселенную.

² М и р - с у с н э - х у м — человек, дух, просматривающий насквозь мир, землю.

В эту белую ночь
Я светлей становлюсь
И нежней во сто крат,
На мгновенье мудрей.
В эту белую ночь
Беззащитен от зла.
В эту белую ночь
Меня мать родила.

Мир уснул, мир затих —
Спят народы Земли.
Лишь легенды и сны
Белой ночью не спят.
Они бродят во мне
Вместе с кровью моей,
И у сердца стучат,
И глядят с моих глаз...

* * *

Утро.

Оно смотрит на нас

Горячим глазом солнца...

На листве солнечный свет — зеленый.

На Оби солнечный свет — оловянный.

На песке солнечный свет — солнечный.

Песок щекочет ступни моих ног

Пальцами солнца.

На коленях твоих, круглых, как два солнца,

Резвится стыдливым олененком солнце.

Груды твои, как два солнечных шара,

И глаза твои, как два солнечных озера.

Я тону в них.

Тону в солнце!

Я купаюсь. Купаюсь в солнце.

Я расту. Расту под солнцем.

Хорошо!

Я дышу всей грудью.

Пью солнце.

Вдыхаю солнце.
Мир становится солнечнее.
Щедрей становится мир.
Счастье!
Неужели когда-нибудь мир
Потеряет
Тебя,
Меня
И солнце?

* * *

Звезды на снегу блистают.
Лес луной облит.
Белых куропаток стая
В снежных лунках спит.

Сосен мерзлый звон над нами
Слышится в тиши.
Стынут в теплой снежной яме
Три живых души.

Три души на белом свете:
Мама, я и пес.
Нам уснуть в попутной яме
Не дает мороз.

Наверху, что глаз олений,
Звездочка блестит.
Каждой веткой в отдаленье
Лунный лес звенит.

Звон все ближе, стужа злее,
Пальцы сведены.
К сердцу тянется, синяя,
Острый луч луны.

Луч скользит через сугробы —
Кажется: вот-вот
Ледяным цветком навеки
Сердце прорастет!

Только знаю: как ни трудно,
Надобно уснуть:
Завтра снова будет утро,
Снова — дальний путь.

Соревнуюсь меж собою,
Лыжи побегут —
Словно ручейки весною,
Путь себе пробьют.

Потому и сердце бьется,
Холоду назло,
И в холодной снежной яме
От него — тепло!

Звезды падали, звенели,
Крался луч луны.
Ах, какие в той постели
Виделись мне сны!

Звездный звон я и поныне
В сердце узнаю.
Песней стали сны лесные.
Их я и пою!

Звери

Мне приснилось:

Я делаю лыжи

Широкие,

Вот-вот они заскользят по снегу,

Уже сверкает их золотистый

Лосиный камус!..

Мне приснилось:

Я бегу за зверем!

На ногах звериных

Он уносит шкуру!

Я бегу за зверем

И слышу, слышу, слышу,

Как он храпит,

Как лязгают его зубы,

Как он хохочет надо мной,

Завернувшись в злую шкуру...

Он схватит меня,

Если я остановлюсь.

Я гоню, гоню, гоню зверя!

Но не разглядеть его лица мне:
Пока зверь жив —
Лицо свое он прячет.
Кто же там впереди
Мне строит рожи?
Росомаха, или лиса,
Или сам медведь?

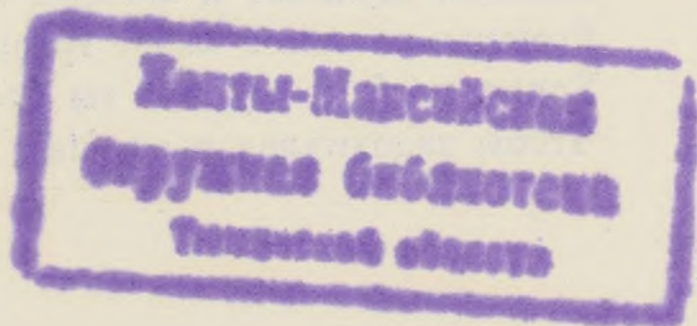
Я клянусь своей головой,
Что на праздничный стол
Водружу голову того,
Кто меня там дразнит впереди!
Я устрою семидневный
«Медвежий праздник»...

Я сердцем знаю:
Зверя надо гнать!
Только остановись —
И застынешь на месте, как дерево...
Зверь раздует ноздри,
Поднимет уши...
Чего ему бояться дерева?
Оно только пошумит на ветру.
И зверем станет зверь.
Он зубастей,
Когда нет погони.

А если ты в черные глаза зверя
Будешь смотреть
Сверкающими зрачками пяток,
И быстрые твои ноги
Будут думать за тебя,
Не спасут тебя духи:
Покидают бегущих боги,
Настигают бегущих звери!

Мне приснилось:
Я сделал лыжи.
Их золотистый камус
Уже несут на крыльях
Крылатые снежинки.
Мои капризные боги,
Все время просящие жертв,
Со мною.
Они тоже гонят зверя.

Мне снится, снится, снится...
Гоню, гоню, гоню я зверя!..



05170
01156

* * *

Л. И.

Солнца луч, у берега играя,
Ткет на волнах радуги шитье;
Но звенит неугомонной стайей,
Обещая бурю, комарье.

В тихом зеркале Оби глубокой
Неподвижный отразился лес.
Всплыли рыбы — любопытным оком
Оглядеть голубизну небес.

Тишина, узоры дальних молний,
Брызги солнца, радуга и ты —
Все слилось в едином миге, полном
Ясной и прозрачной красоты.

Комарье жужжит и жаждет крови.
Комарье звенит и хочет гроз;
Хочет, чтоб нахмурила ты брови,
Чтобы задохнулся я от слез.

Видишь, лиловеют неба краски,
И огонь в глазах у облаков.
Плачут травы, и в медвежьей пляске
Волны у далеких берегов.

А у наших ног играет, вьется
Рыба, обнажая плавники,
И глаза твои теплее солнца,
И душа моя светлей реки...

Дикий танец волн все ближе, ближе,
Все надсадней комариный гам,
И ресницы трав все ниже, ниже...
Неужели расставаться нам?

Солнышко

Солнце, солнышко, постой,
Что ж ты делаешь со мной?
Нежное твоё тепло
С неба лучиком слетело
И в прекраснейшее тело,
В душу девичью вошло!
Как смогло ты превратиться
В эти брови и ресницы,
В этот взгляд из-под платка,
Напоенный светом ясным,
В эти, на лугу атласном,
Млечных, теплых два стожка?
Теплая моя загадка,
Тайна нежная моя!
Мне и стыдно, мне и сладко,
И смеюсь, и плачу я:
Солнце, солнышко, постой,
Что ж ты делаешь со мной?

Мне снится русая богиня

У манси есть легенда. Где-то в лесу стоит избушка на лосиной ножке. В ней живет одетая в одежду манси Сорниной — «золотая богиня». Но мало кто видел ее, холодную, таинственную, а подчас и жестокую.

Мне снится русая богиня.
Ее глаза, как ручейки,
Струятся в памяти, но имя
Не вспомнить: сны, знать, коротки.
Она не та, что из легенды,
Не та, что среди лесов живет
И сполохи, как будто ленты,
На волосы свои кладет.
Вся в соболях, в шелках. Сережкой
Ей служит ранняя луна.
В избушке на лосиной ножке
Который век совсем одна.
Но ни один смельчак покуда
К ней не пришел: пути темны,
И нравы дикие, как вьюга,
Все в шубу тайн облачены,

И бесконечные поверья,
Как те леса...
Но я иду
К богине-идолу.
Деревья
Шумят, как птицы на лету.
И вот она! Пред нею низко
Склоняюсь, опускаюсь в мох.
Но даже камень обелиска
Теплей ее спокойных ног.
Как страшно мне! Хочу скорее
Прервать немое забытье.
Ее я лаской не согрею,
И сказкой не согреть ее.

. ; .

Мне снится русая богиня.
(Я в сон по сердцу погружен.
И он сбывается уж ныне:
Наверное, то вещей сон.)
Она зовет меня: смелее!
И приближается ко мне.
Я, словно ветка, пламенею
На обжигающем огне.

Я напрягаюсь, замираю,
В душе моей — и свет и грусть,

И наконец-то я сгораю
И человеком становлюсь.

О, сила женщины! Приемлю
Загадочную власть твою.
Моя богиня! Даже тени
Твоей обидеть не могу!
Ты вся — свобода! Я не видел
Такой, как ты. Ты клич живой!
(А может быть, ты древний идол!!
Лишь облик современен твой!)
И от назойливых вопросов,
Как от жужжанья комарья,
Во мне смятение и робость
Проснутся, женщина моя.

Но под твоим туманным оком
Я ничего не убоюсь.

Сгораю в пламени высоком
И человеком становлюсь.

* * *

— Что такое: на вершине
дерева — сильный ветер?..

— Мысль.

(Мансийская загадка)

«На вершине дерева — сильный ветер»...

Человек, задумайся над этим.

Не стой безучастно, как спокойная лошадь.

На вершине дерева — сильный ветер!

Дерево живо — в нем соки жизни...

В голове, в вершине человека — сильный ветер:

То волнуются мысли.

Если шум вдруг услышишь,

Не брани вершину дерева...

Человек, задумайся над этим:

Почему гнутся ветви,

Почему говорит так громко листва?

Стань на мгновенье

Вершиной дерева.

Прими на себя натиск ветра.

Брось в лицо ветра свои вопросы,

Печали, сомненья и все загадки этой жизни—

Жизни, что пахнет горечью дыма

И росной сладостью ягод...

Стань на мгновение
Вершиной дерева.
Около земли тихо,
Травы ведь здесь не шумят, а только стелются.
А корни дерева ушли под землю,
Щупая тьму
Своими долгими крючковатыми пальцами.
Они не знают о ветре.
Укрытые мхом, как тулупом,
Они сосут вкусные соки земли.
Но видят ли они жизнь
С ее красотой и дрожью?
Нет, только листва, что на вершине,
Видит мир.
Оттого она и зелена,
И распускается каждой новой весной.
Листья принимают удары первыми.
Они мыслят смелее других,
Они ценят больше других
Жизнь, ее бесконечный трепет.
На вершине дерева — сильный ветер...
Хорошо.
Не опали еще листья!
Человек, задумайся над этим,
Не стой безучастно, как спокойная лошадь.
...Стань на мгновение вершиной дерева...

Человек родился

Ветер, как собака, лает,
Черная, цепная,
Лихо пляшет, снег швыряет
Буря-ледяная.
Буря в поле кружит рьяно —
Голос зол и звонок...
...В тихой люльке берестяной
Закричал ребенок.
Буря воем на рассвете
Мальчика встречала,
Первый крик его на свете
Не перекричала.
Словно он уже гордится:
«Вот какая сила!»
Словно он уже грозитя:
Что, мол, победила?
За окошком вьюга пляшет,
Снег в пригоршнях носит,
У дверей собака наша
Воет на морозе.

Куропатки улетают,
Их заносит вьюга,
Ветер и мороз гуляют
В чаще — как два друга.
— Мой горластый, узколиций,
Ты зачем родился?
В мир тайги, где ветер злится,
Ты зачем явился?
Стонет мать, и в горьких звуках
Боль ее и сила.
Темной ночью в тяжких муках
Сына мать родила.
На полу, где иней талый,
Там родятся дети.
Сколько горя испытала
Мать моя на свете!
Буря выла, буря злилась,
Ветер дул упрямо.
Радость, как цветок, раскрылась
На губах у мамы.
Нежность, радости, печали,
Снежное ненастье...
Люди, вы бы мне сказали,
Что такое счастье?
Может быть, в улыбке тихой,
В светлой женской доле,

В жгучей вьюге, что волчихой
Рыщет в чистом поле?
Может, счастье здесь таится?
Все я принимаю...
Станет мальчик с бурей биться,
Пробираясь к маю.
Станет падать, подниматься,
Путь искать среди ночи,
Станет плакать и смеяться...
О, как жить он хочет!

**Я опять о вас,
мой земляне...**

Я опять о вас, мой земляне,
О моих уснувших, об усталых,
Чьи по одеялу бродят руки,
Чьи под одеялом ходят ноги,
Чьи гудят, гудят, как струны, нервы
От вчерашней спешки и тревоги,—
Я опять о вас, мой земляне!..

На щеках лежат — не шевельнутся
Ветками хвоистыми ресницы,
А глазам под веками не спится,
Все глядят они в лицо любимой
Женщины, которая похожа
На тайгу, где бродит дикий соболь,
На луну, что ждет неугасимо
Вас, мои уснувшие земляне!

Я опять о вас, мой земляне,
О японцах спящих, тех, чьи ноги
По ночам бегут от Хиросимы,

О вьетнамцах спящих, тех, чье сердце
Одержимо гневом и тоскою,
О кубинцах спящих, тех, чьи губы
Распевают песню: «Будем строить!»
И о вас, родные россияне,
Что творите счастье — дума к думе,
Колос к колосу и к камню камень...

Кто-то стонет, кто-то просит хлеба,
Кто-то к водке тянется проклятой,
Кто-то рвется в небо, в небо, в небо,
К голубым медведицам мохнатым,
Кто-то грезит о большой квартире,
Где играет солнце с малышами —
Дайте же и мне жилье пошире,
Потому что ведь и я не камень!

Я опять о вас, мои земляне,
Я о каждом спящем человеке.
На большого мира многогранье
Смотрит он сквозь сомкнутые веки.
Неужели так уж непомерно
Интересен этот мир? —
Наверно!

* * *

От зари яркий свет.
Синий соболя след...
Снег хрустящий... Мороз...
Лаает, мечется пес.

Лес, ты мне помогай!
Ельник, чаще мелькай!

Убежать по снегам
Я подарку не дам.
Пусть родная моя,
Красоты не тая,
В новых кисах¹ пройдет,
Пусть на них расцветет
Соболиный узор,
Что обрадует взор.

Мчитесь, лыжи, быстреей
По тропинкам зверей.

¹ К и с ы — меховая обувь.

Молитва к судье

Мольба моя собольим мехом стелется!
Слова мои звериным мехом стелются!
Послушай их, всеслышащий судья!
Вот дождевая капелька. Безделица!
Но если очень ждет ее земля,
И если, пав, она людей порадует,
Пускай быстрее она на землю падает —
Так, люди, муза думает моя!

Взгляни, судья, в мою родную сторону,
Услышь, судья, мою родную сторону!
Ее угоды издавна щедры.
Раскинула, как скатерть, свой простор она,
Расставила на скатерти дары.

Тайга шумит, зеленая, как море,
Зверье — что рыба в шубе меховой!
А в реках, что сияют, с небом споря
Безбрежной широтой и синевой,

Гуляют осетры, горды, как шхуны,
И нельмы — как серебряные луны.

Нефть, жир земли, струится в недрах черных,
И рада рать разведчиков упорных,
Ее наверх из темноты подняв,
У сумрачной соперницы отняв!

Но помните, о земляки, земляне,
У радости глаза — всегда в тумане,
Сама себе она туманит взор.
О, если только слышать вы могли бы,
Как в толщах вод сегодня плачут рыбы,
Как стонет соболь в недрах темных нор!

Попробуйте-ка сами той водицы,
В которой плавать рыбам суждено!
Нет, в наших кранах — чистая гнездится,
А все, что мутно, грязно и черно,
Все, что зовем уклончиво «отходы», —
В лицо природе плещем, как враги,
И не рассвет расцвечивает воды,
А жирные зловонные круги.

Судья и все присяжные, отбросьте
Хотя б на время прочие дела!

Напоминаю вам, что мы — не гости —
Хозяева у щедрого стола.

Чтоб этот стол не оскудел навеки,
Чтоб этот стол не оскудел вовеки,
Не вымирали звери и зверьки,
Чтоб в некий день не запылала реки,
Самой природе вечной вопреки,
Давайте думать все, пока не поздно!
Земля одна, и нет второй земли.

Над ней сегодня снова небо звездно,
Готовы к стартам чудо-корабли.
Тебе привет мой, звездная эпоха!
Но говорю уверенно вполне:
Того, что землю берегли мы плохо,
Нам дети не простят и на Луне!

Приходите погреться

Вьется лесом лыж лосиных
Гибкая лыжня.
Тощий месяц глазом длинным
Смотрит на меня.

Лаает он, как волк голодный:
— Пусть сожрет мороз! —
Пальцем трогает холодным
Щеки мне и нос.

Но мороз сожрать грозился
Деда моего,
Только, как ни торопился,
Не догнал его.

Глупый месяц лютым волком
Лаял на отца,
Но не видели в поселке
Веселей лица!

Как же мне-то не согреться
В мой горячий век,
Для меня огонь из сердца
Высек человек.

Мне костер разжечь не долго
Из того огня,
Перестанет месяц волком
Лаять на меня.

Подобреет и забудет
Старую вражду...
Приходите греться, люди,
У огня на льду!

* * *

*Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет,
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.*

А. С. П у ш к и н

Эти строки, словно ветер,
Ворвались в ребячью душу.
Был тогда я мал, как соболь,
Но когда шум ветра слушал,
Я кораблик видел ясно,
Как на пихтах снег пушистый,
Как полярное сиянье,
Что стоит, как чум цветистый,
В чистых-чистых небесах.
Вот оно, то сине море,
Вот кораблик на просторе.
«Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах!»
И во сне я видел парус,
И хотел я стать, как ветер,
И завидовал мальчишке,
Что носил под мышкой книжку,
Ту, где жили строки эти!

Я мечтал о синем море,
Я мечтал о нем без страха.
Ничего, что скачут волны
Злой и дикой росмахой, —
Я мечтал с великим морем
Подружиться, побрататься.
Легким парусом помчаться!
И теперь, когда навечно
Миновали годы детства —
Снова, снова эти строки
Мне, как ветер, рвутся в сердце!
Снова вижу белый парус,
Полный ветра и задора, —
Он зовет, зовет и манит
В бесконечные просторы!
Друг степей и дети тундры
Повторяют строки эти,
Строки смелые, как парус,
Строки вольные, как ветер.
Будь, как море, вдохновенье,
Без конца и без начала! —
Я сложу такую песню,
Чтоб кораблик подгоняла!
Пусть бежит себе в волнах
На раздутых парусах!



Миснэ



CHOW

Миснэ

Дремлет лес, легко дыша.
В нем живет, я знаю,
Миснэ, добрая душа,
Женщина лесная.
Ходит, веточки стройней,
Где-то в снежной дали.
Шубка вышита на ней
Птичьими следами.
Бисер искрится огнем,
Весь в лучистых блестках...
Так сияет ясным днем
Иней на березках.
Пусть ни солнце, ни лучей,
Воеет вьюга злая,
А у Миснэ из очей
Льется ласка мая.
Все согреет этот взор,
Все растопит синий:
Холод сердца, лед озер,
Старых прядей иней.

Если больно от обид,
Миснэ, беспокоясь,
«Тюпын, тюпын, — говорит, —
Милый, милый», то есть.
Миснэ, Миснэ — дар людской,
Светлая отрада!
С Миснэ, ласковой такой,
Ссориться не надо.
А дружить с ней — значит жить
С песней молодою,
Как по Оби в лодке плыть
Полою водою.
Дремлет лес, легко дыша,
В нем живет, я знаю,
Миснэ, добрая душа,
Веточка лесная.
Только где ее искать?
Лесу много, много!
Слышишь, сердце, хватит спать,
Нам пора в дорогу!

* * *

Два весла в ладонях у меня,
Две ноги — иду, снежком звеня,
Уха — два, затем, чтобы слова
Мог воспринимать! И глаза — два...

...Только сердце у меня одно —
Ожидает твоего оно...

* * *

Без тебя — земля темна.
Без оленей — путь мой долог.
Без тебя — мне чужд поселок,
В нем не вижу ни окна.

Нет тебя — плохи мне лыжи,
И костер не греет рыжий,
И не слышно утром рано
Звуков нежного тумрана¹.

Без тебя — мне жизнь не в жизнь!
Солнышко меня не греет.
Дорогая, появись!
О, Миснэ, приди скорее!

Легче тихой твоей тени
Полетят мои олени:
Мчи, упряжка, на край света,
Взглядом любящим согрета!..

¹ Тумран — губной женский музыкальный инструмент из кости.

Если б так душа моя...

Лунный луч узоры ткёт
На речной излучке.
Сердце трепетное ждёт
Теплых рук подруги.

«Жди, придет» — звенит
прибой,
«Нет!» — камыш вздыхает.
Как осинник над рекой,
Сердце замирает.

Не пришла... Но и за то
Ей уже спасибо,
Что у речки золотой
Ждать ее просила;

Что осиновым листком
Сердце трепетало;
Что малейшим ветерком
Душу колебало.

...Вот что надежда, как волна,
Вспыхивала, гасла.
Не пришла пускай она —
Ждал я не напрасно!

...Если б так душа моя
Волновалась вечно,
То, наверно, был бы я
Счастлив бесконечно!

* * *

Мы вдвоем с тобой сидели,
И рука в руке дремала,
Мы на озеро глядели,
Где дорожка засверкала.

Нам пройти мечталось вместе
По дорожке той желанной.
Но была дорожка лунной
И вода — непостоянной.

* * *

Шли два сердца рядом дни и ночи —
И дороги не было короче.
Нет тебя со мной — устали ноги,
Кажется: длиннее нет дороги!

Ты

Ты не солнце —
 Руки его теплые!
Ты не звезда —
 Свет ее далекий!
Ты не луна —
 Она, как синяя льдинка...
Ты не щедрая
 И не холодная,
Ты не близкая
 И не далекая.

* * *

Щурится солнце от счастья
В чистой без туч вышине,
Его золотые запястья
Ложатся на плечи мне.

Что ж прячешь ты взгляд
 влюбленный,
Мансийских озер голубей?
Когда же твои ладони
Заснут на груди моей?

Имя

— Как твое имя? —
Спросил ее вдруг, и вот
Ждет мое сердце, как дверь,
Ну, когда ж ее имя войдет?!

...Лед на Оби
Тогда треснет
И солнце поднимется,
Все разрушая и грея...

...Шепни свое имя,
Шепни свое имя скорее...

Небесная Миснэ

В. Терешковой

По небу ходят женщины.
Вот до чего дожили!
В небе женщины сидят.
Вот до чего дошли!
Мое древнее мужское сердце
Вздохнуло, как мамонт...
Надо мною женщина летает,
В ракете летает...
А радио поет и поет,
Поет одно и то же:
— Валентина, Валентина, Валентина! —
На всех языках стругают
Одно слово: «Валентина!»
Что это за слово:
«Валентина»?
«Валентина» — это значит «полет»,
«Валентина» — это «космос»,
«Валентина» — это «слава»,
«Валентина» — это «Ярославна»!

Русая русская Ярославна!
«Валентина» — это «Миснэ
племени манси».

...«Женщине из племени манси
Запрещено подыматься
Даже на крышу своего дома!» —
Так кричал обычай язычников.
А Ярославна поднялась за облака.
— Она Миснэ, — скажут манси.
Миснэ может подняться выше мужчин.
— Миснэ — древняя добрая богиня,
Она в собольей шубе,
Она живет в глубине чащи.
Миснэ — женщина новой эры,
Летящая рядом с солнцем... —
Женщины были крылаты лишь
В сказках.
Крылатыми рыбами плавали они
Над облаками, над мужчинами.
И мужчины полоскали
Свои языки хвalebными словами,
Словами поднимали ее в небо.
— Валентина, Валентина, Валентина! —
На всех наречьях строгают
Это слово, словно строганину.
А она летит, летит, летит...

Нет! Обычная женщина так не может!
Она — Миснэ!
Таинственная и заоблачная!
...Но радио говорит другое.
Я слушаю и думаю:
Кто же все-таки эта Валентина?
Миснэ она или Ярославна?
А может быть, она и то и то?!

* * *

Где над отмелью низкой
Обь взлетает дугой,
У рыбачки мансийской
Сеть дрожит под рукой.
И сережки похожи
На птенцов из гнезда,
И нежней ее кожи
Разве только вода.
Ее брови, как рыбки,
Друг от друга плывут,
Ее губы улыбку
От меня берегут.
Что-то скажут они мне?
Постою, подожду.
Темен взор ее зимний,
Словно прорубь во льду.
Знал иные я взоры,
Не забыл их пока.
Как Уральские горы,
Ее грудь высока.

— Я все та же, все та же;
Минул маленький срок.
Для тебя ж я — пропажа.
Сам меня не сберег.
Мой дружочек, другую
Любишь ты вдалеке.
Ждешь ты зря
И впустую
Простоишь на песке.
Все как прежде, как прежде.
Только та ведь — не я.
У нее на одежде
Не блестит чешуя.
Ей в студеное море,
Словно мне, не смотреть,
Ее сердце от горя
Не дрожит, словно сеть.

• • •

Скажите, кто крикнул с презрительной миной,
Что умерло слово «тюпын»,
то есть «милый»?

Не пес ли, чья шерсть от бессилья облезла?
А может быть, хищник из темного леса?
Кто крикнул, что женская нежность иссякла?
Конечно, на свете случается всяко.

Но как же забыл он,
кем людям дарован,
Кем был он укутан, умыт, расцелован?..
Ведь мы вырастаем во всех поколениях
На милых, на нежных, на женских коленях.

Хотел бы улететь с твоей груди
В мгновенье ока,
Как на ракете!.. Вон я, погляди!
Так далеко-далеко.
И ели бы стояли подо мной,
Верхами тычась...

Глазами женщин смотрит шар земной,—
Их тысячи тысяч.
И девушки издалека
Глядят, как в дыме...

Как нельмами весною Обь-река,
Мир полон ими!

Но только ты одна внутри, во мне,
В крови и в плоти.
Ты в пульсе, ты в сознанье, ты во сне...
В моем полете!

Комсомолки революции

Учительницам Севера

Революции комсомолки,
Синеглазые северянки,
Ваши песни в душе не замолкли,
Снова снитесь вы мне, смуглянки.
Ваши нарты по тундре летели,
Целовали вас ветры лихие,
И, сдаваясь, смолкали метели,
И стихали пред вами стихии.
Шли вы с именем Ленина в чумы,
Как идут космонавты к ракетам,
И охотник с лицом угрюмым
Улыбался при имени этом.
Слово, ставшее кличем и флагом,
Как заря, открывшее дали,
Старики седые, как ягель,
С молодой надеждой шептали.
К новой школе бежали мальчишки,
Как олени, веселой стайкой,
Открывали первые книжки,
Пионерской дружили спайкой...

Революции комсомолки,
Ныне сами, как ягель, седые,—
Ваши речи в классах замолкли,
Но звенят голоса молодые.
Комсомолки России снежной,
С болью в сердце глядите не вы ли,
Как иные юнцы небрежно
Топчут то, что вы честно растили.
Но вы видите и другое.
Но вы слышите смелые речи.
Вновь идут, воюя с пургою,
Комсомольцы заре навстречу.
Пусть вечерние ваши взгляды,
Как на строгих весах, нас качают,
Пусть всегда вы будете рядом,
Пусть всегда вас везде привечают.
И мелодия юности строгой
Так же льется под знаменем алым,
Как на дальних небесных дорогах
Гром гремит «Интернационала».

Юность! След навсегда ты оставишь
Века нового верный вестник.
И на пенсию не отправишь
Боевые стихи и песни.

Снитесь вы, летящие в санках,
С той осанкой, с отвагой прежней
Синеглазые северянки,
Комсомолки России снежной!

* * *

Когда солнца луч уберет росу
И ворвется в дом разговор синиц,
Я подарок вновь тебе принесу —
Может, счастье найду у твоих ресниц.

* * *

Горит звезда в твоём окне
нетленным светом среди ночи.
Дорогу освещает мне
и делает ее короче.

Звезда в твоём окне горит.
Без той звезды, слепец убогий,
иду по вздыбленной дороге,
и выюга душу холодит.

Горит в твоём окне звезда,
И глыбы голубого льда
истают...
Ледоход взыграет
лишь потому, что, как всегда,
звезда в окне твоём мерцает.

Мой идол

Не верую...
Все идолы мои
давным-давно —
слепые деревяшки,
обрубки бревен с грубыми чертами.
И странно мне,
как можно им молиться.
А ведь молилась им родня моя!

Но был июль.
И я тебя увидел
На берегу реки,
Среди ромашек.
В таком же легком, как ромашка, платье,
В косынке ситцевой.
И прядка золотая
из-под косынки билась на ветру.

С тех самых пор, когда тебя увидел,
глаза в глаза,

на том, зеленом склоне,
безбожник раньше,
идолопоклонник
в меня вселился до скончанья дней.

Как хорошо,
что я тебя увидел...
Мой милый бог,
мой ясноглазый идол
души изголодавшейся моей.

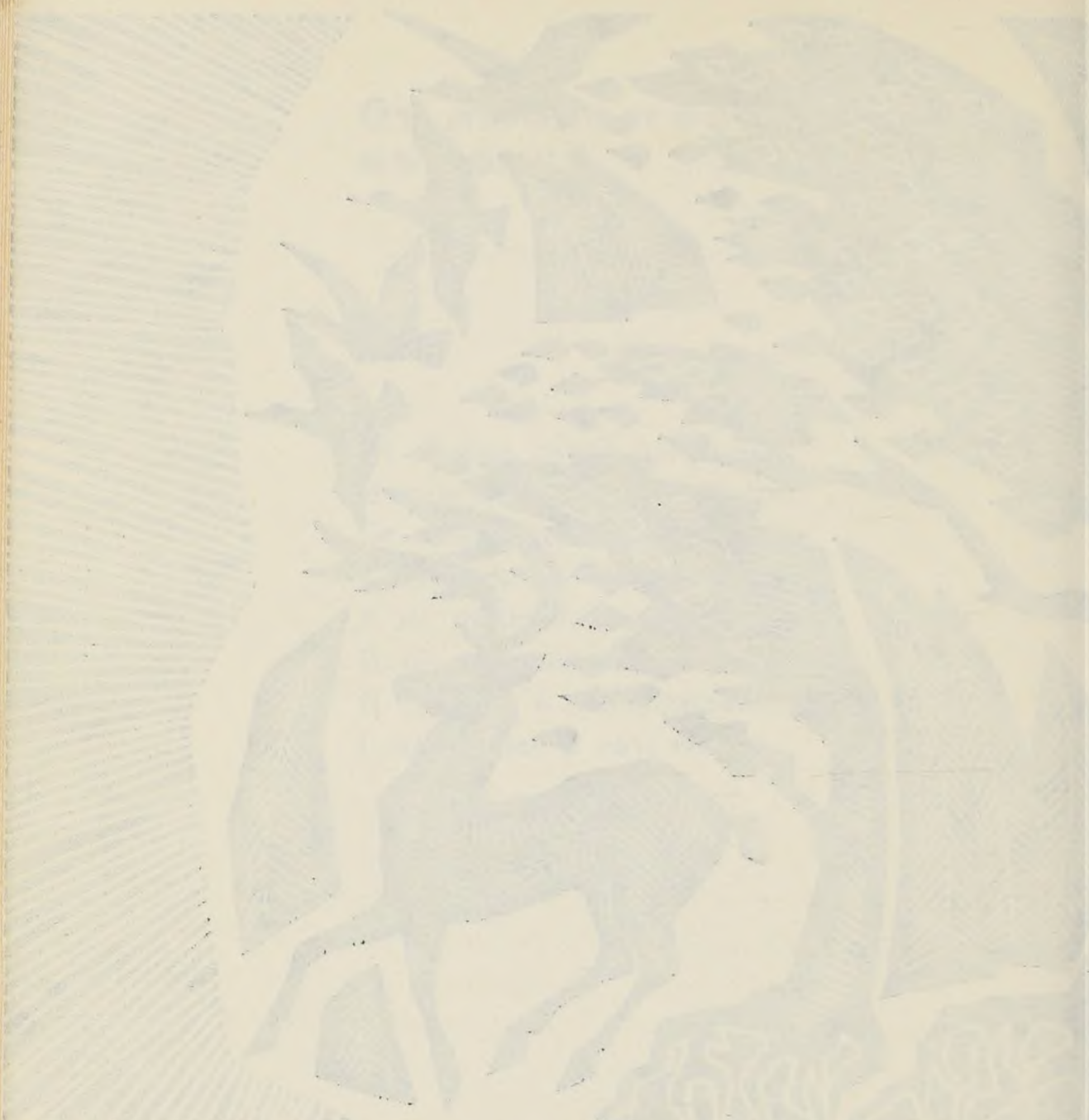
От любви твоей высокой

Л. И.

От любви твоей высокой,
Человечной, тихой, чистой,
От меня, такой далекой
И немыслимо так близкой,
Я не красавцем становлюсь
И не высокою звездою:
Я смотрю в себя, дивлюсь —
Становлюсь я сам собою.



Каменные деревья



Намочные
дерева

Каменные деревья

По каменному городу иду,
Как по дремучему иду — сторожке, — лесу,
Колышутся все люди, как деревья,
Как те деревья, что идут сквозь ветер...
Когда тайга колышется, то ноги
Деревьев прочно прорастают в землю,
Они упрямо держатся за землю,
Они идут под землю глубоко.
Они как эти вот земные люди,
Что цепко за хрустящие бумажки
Схватились. Но когда тайга несется, —
Тогда деревьев ноги не идут.
А может быть, вот так и эти люди
Стоят на месте прочно, как деревья,
И просто это кажется, — быть может?
Что вон они — бегут, бегут, бегут...
Когда ж бегут? Куда бегут? Откуда?
Куда спешат? Что думают? Не знаю...
Вот этот смотрит на меня надменно —

Он, как сова с круглыми глазами,
Сидящая на дереве высоком.
Он удивлен, что удивляюсь я!
А вот другой — да он руками машет,
Как будто клен ветвями, и все время
Учить меня пытается угрюмо:
— Не верь! Не верь! — И вновь:— Не верь!
Не верь!..

Проходят мимо люди, как деревья,
Те, чьи вершины полны глухарями.
Они бегут — и ничего не видят,
Они не слышат — и всю спешат.
А вдруг и я здесь заблужусь однажды,
Как дерево среди других деревьев?
И — словно медвежонок в зоопарке,—
Во мне родится новая душа?!
На каменной траве резвятся ж звери?..
И я тогда навеки позабуду
Моих оленей — быстрых, словно слово,
И кедров — запах от которых — запах снега!
И рыбок, плеском веселящих слух...
Неужто я не буду вновь рождаться
С весною каждой, и неужто руки
Не буду омыwać в глубинах рек?
Неужто я все позабуду —
И стану деревом?..

Знал ли я?

Ветры свищут, вьюга рыщет,
Вьюга в сердце рвется.
Чужа горе, вьюге вторя,
Сердце рыбой бьется.

Вещи, лица — все кружится
В зареве багряном.
В иступленье, с диким пеньем
Пляшут два шамана.

Свищут ветры, печка ветви
Разгрызает с треском.
Бубен скачет, слезы прячет
Под платком невестка.

Молча мать стоит в сторонке.
Вижу сквозь туман я.
Счастье, чище глаз ребенка,
В топоре шамана.

Пламя стало по металлу
Кровью растекаться.
То недуги, злые духи
Топора боятся.

В те слепые дни были
Знал ли я, боля,
Что ведь доктор счастье
мог бы
Мне вернуть быстрее?

Еще о городе

Он глаза слепил
И гудел, как улей;
Он вертел, кружил
В суматохе улиц.
Я впервые в нем...
Вон летят машины —
Фары бьют огнем
Ярче глаз звериных.
Солнце длинных кос
В небесах не чешет, —
Только дыма хвост
Да металла скрежет.
Высотой дома
В снеговые горы,
А народу тьма,
Словно рыбы в море.
Он глаза слепил
И гудел, как улей;
Он вертел, кружил
В суматохе улиц.

Я впервые в нем...
Я глядел и слушал...
Вот сейчас он дом
На меня обрушит!
Вот поток машин
На меня наскочит.
Шорох быстрых шин
Снился даже ночью...
То звонком шальным,
То горящим глазом,
То гудком хмельным
Испугал не раз он.
Ни реки лесной,
Ни лесного хора:
Красотой какой
Дорог людям город?
Он шумел, спешил,
И не знал еще я
Ни его души,
Ни его героев.
До поры таясь,
Он слепил сияньем;
Он плясал, смеясь
Над моим незнаньем.

Тем, кто хочет бросить пить

(Мансийский обычай)

Если ты устанешь от вина —
Языкатой огненной воды,—
Вспомни наш обычай, старина,
Что хранил мансийцев от беды.

Вот тебе бутыль, а вот стакан,
Подыми-ка к солнцу свой искус —
Златорукий этот великан
Пусть его попробует на вкус,
Пусть тебя, поморщившись, ругнет:
— Что за дрянь? Не пиво и не мед!

А потом мизинец свой ножом
Уколи — и кровь смешай с вином.
Вылей наперво стакан в очаг
И скажи мир-суснэ-хуму так:

— Слушай, добрый прозорливый дух,
К жертве манси не останься глух,

Выплеснул с дурною кровью — на! —
В ноги я тебе стакан вина!

Сделал? А теперь хлебни-ка сам,
Ну, а что останется — гостям!
И с пустой бутылкою в руке
На родном скажи им языке:

— Люди, словно дух мир-суснэ-хум,
Вы сегодня видели мой ум.

* * *

Рано мать моя скончалась,
Рано счастье отсмеялось.
Я стоял над Обской кручей,
Слезы лил, как дождь из тучи.

Обь сердечная вздыхала,
На колени нежно брала,
Из бересты у причала
Колыбель мою качала.
Сердце сына захлестнула,
Свой напев мне в грудь вдохнула.

А теперь в полдневном солнце
Предо мной Нева смеется.
Кажется: у ног, сверкая,
Катит волны Обь родная,
Плечи мне обвив руками.
Так же щедро ветерками
Невскими я нацелован,
Той же ширью очарован.

Пусть не люльку у причала —
Ты, Нева, мой ум качала,
Крылья мне дала навечно.
О, спасибо, друг сердечный!

Схожи рек различных воды,
И добры сердца народов, —
Потому я всюду дома,
Все родные, все знакомо.

Жив еще шайтан

Дом высится, как Урал...
Глаза мои, наверное, круглы, как две луны?
Двери, как ущелье посреди стены.
В дом захожу, как в священные горы,
Где сильнее меня — валуны.
Где раскосые идола, вырубленные из полена,
Думать за меня должны...

Захожу.

Света много в доме,

Как в белую ночь.

И людей много, как

Кочек в тундре.

Один человек почему-то

Все кланяется мне,

Как идолу когда-то

Кланялись манси...

Кланяется его фуражка с каемочкой
золотой,

А я уж так не умею, —

Нас от этого

Отучили в детстве.

Почему он кланяется мне?
Я стою и думаю:
Не принял ли он меня
За знаменитого осетра
Или за семисильного шайтана?

Но шайтанов давно уже нет,

Нет и злых духов...

Стою и думаю,

Смотря на него.

Вот берет он на руку
Русское мое пальто
И идет вешать на вешалку,
Что похожа на ветвистые рога оленя.

Вот уже висит мое пальто
Среди других.
Они висят, как рыбацкие сети
Вдоль частокола.

Стою и думаю.

Может, шайтаны вправду воскресли

И мне передали свою силу,

Или, может быть, я сам некий

Лесной дух?

Я отхожу от гардероба
Пораженный,

Как человек, после долгой зимней ночи
Увидевший солнце.

Человек в фуражке

Снова кланяется мне

И подбрасывает на пухлой, как снег, ладони

Серебристую рыбку — монетку.

И я догадываюсь: не я великий дух,

А серебристая монетка...

Жив еще — шайтан!

* * *

Не тревожьтесь, если хмуро
Поглядят на вас:
Бойтесь узкого прищуря
Хитрых, скрытных глаз.

Это значит: беды грянут!
Это значит: лук натянут
И хватает стрел,
И распаханное сердце,
И доверчивое сердце
Взято на прицел!

Не тревожьтесь, если хмуро
Поглядят на вас:
Бойтесь узкого прищуря
Хитрых, скрытных глаз.

Кто сказал, что так вот смотрит
Лишь пытливый ум,

Что прищурка — лишь от солнца
И высоких дум?!
Если волку смотришь в очи —
Видишь: это враг.
В них — лесной, недоброй ночи
Леденящий мрак.
Тучи хмурые нависли,
Молнии видны.
Ты готов к борьбе, и мыслью
Мускулы полны.
В бой! И силу силой меря,
Ты поймешь опять:
Очи зверя — даже зверя —
Не умеют лгать!
Я люблю глаза оленьи —
Зрелых две луны.
В них — нелживое томленье,
В них отражены
Наши дали, наши ели,
Чистый снежный наст —
Все, что в памяти и в сердце
Навсегда у нас.
И летит со свистом нарта
В даль по целине.
И возвышенней не надо
В мире счастья мне!

И еще — глаза ребенка!
Радость в них живет:
Глянешь — кажется, что звонко
Запоют вот-вот.
Это — две рассветных птицы,
Вешних два ручья.
Хоть не слабый — перед ними
Беззащитен я!
Я не взвешиваю сухо
«Против» или «за»:
Вечно верю вам, живые,
Вечные глаза.
Верю свято, безоглядно
И целую вас...
Не встречать бы только этих
Щурящихся глаз.
Пусть ослепнут! Пусть растают,
Как дурные сны,
Как над лесом на ущербе
Узкий серп луны.

* * *

Словно белка по деревьям,
Скачет сплетня по деревням,
Длинноногим лосем ходит,
Егозит лисой-пролазой.
Залетает в окна птахой,
На зубах хрустит, как сахар,
Языкастым хмелем бродит,
Затуманивает разум.
Ходит сплетня меж домами,
Человечью честь ногами
Топчет, как цветы весной,
Как детей новорожденных.
Мажет сердце липкой слизью,
Топором висит над жизнью,
Ранит острую косою,
Как побеги трав зеленых.
Скачет сплетня меж домами,
Языкастая, как пламя.
Обожгла леса — и стали
Словно чучела деревья.

А могли бы здесь плодиться
Куропатки и синицы,
И олени бы гуляли
По зеленому кочевью.
Не чеши язык словами,
А чеши язык зубами.
Пожалей себя, посмейся
Неразумью своему:
Ну зачем леса сжигать нам,
Ну зачем цветы топтать нам,
Из живого человека
Делать чучело к чему?

* * *

Люди сердце не щадят,
Словно знать не знают люди,
Сколько добрых песен в сердце,
Словно знать не знают люди,
Как умеет плакать сердце...
В сердце все, что людям нужно
На земле для вечной дружбы:
В нем бессилье, в нем и сила,
В нем и солнце, и ненастье,
В нем рождается слово «милый»,
Запеленутое в счастье.
Бессердечный лезет в драку,
Как собака на собаку,
И врага по-волчьи кличет,
И рычит, и рвет добычу,
Рвет добычу в гневе лютом...
Что без сердца делать людям?
От вина хмельны бываем,
Видим деньги — тянем руки,

Лишь о сердце забываем,
О его негромком стуке...
А без сердца пьян не будешь
От любви весною ранней,
Сердца нового не купишь,
Если биться перестанет...
Жить без сердца невозможно —
Будьте с сердцем осторожней.

Заклинание браконьера

Строй города, дороги строй,
Как человек большой!
Будь рыболовом — с головой,
Охотником — с душой!
А если жаден ты и зол,
И вовсе безголов,
Проткну тебя своим ножом —
Строкой из гневных слов.
Пускай ослабнут у тебя
Колени, хворый пес,
Чтоб не топтал траву, губя
Десятки птичьих гнезд,
Ты за спиной уродский горб
Почуешь на бегу,
Когда нелепый твой топор
Начнет кромсать тайгу,
Чтоб не расплакался навзрыд
Мой заповедный край,
Чтоб не был соболь перебит,
Не вымер горностай!

Пусть примет на десять когтей
Твою башку медведь,
Когда муксуновых детей
Твоя наловит сеть.
И пусть, воздав тебе за злость,
Та молодежь в рост пойдет
Внутри тебя — и костью в кость
Насквозь тебя проткнет.
Строй города, дороги строй,
Как человек большой!
Будь рыболовом — с головой,
Охотником — с душой!

Дикари двадцатого столетия

О дикари двадцатого столетья,
О варвары с холеной кожей белой,
Не открывал Колумб вас на планете
И не о вас сложил стихи Лонгфелло.

Ваш озлобленный ум хитер, ничтожен,
И, приходя в тропические страны,
Вы убивали песню чернокожих
И на людей охотились с арканом.

Болит моя душа, как будто сам я
Лежу ничком, придушенный арканом,
И не в меня ли это мечет камни
Оскаленная банда Ку-клукс-клана?

И не мое ли раненое тело
В пучину моря тащат кашалоты?
И не меня ли жгут напалмом белым
Рабовладельцев этих самолеты?

О дикари двадцатого столетья!
Вы слышите ли там, за океаном,
Как чернокожие кричат под плетью:
— Мы тоже люди, мы не обезьяны!

Есть на земле глаза темнее мрака:
В них боль веков, и в них надежды пламень,
И, если б те глаза умели плакать,
Они могли б прожечь слезами камень.

И есть печаль, что даже слезы сушит.
К печали той большой и я причастен.
И мне бы тоже наплевали в душу,
Когда б я был у дикарей во власти!

Меня связали с той далекой болью
Единых дум, единой крови узы,
Меня бы тоже отдали в неволю
И придавили непосильным грузом.

Ловили арканом, как оленя,
Томили б жаждой и стегали плетью,
Когда б меня не спас великий Ленин
От дикарей двадцатого столетья!

* * *

Если даже весна разоткала узор
На лугах, все равно не гаси свой костер.
Даже в солнечный день, даже в теплую ночь
Он тебе пригодится. Он может помочь.

Ни проворства, ни сил не жалея, не жалея.
Пусть пылает огонь, чтобы стало теплей.
Видишь, сколько дремучего леса вокруг?
Не скупись на дрова, не щади своих рук!

Человеку от стужи дано умереть,
Если вовремя рук он не смог отогреть.
Где ни хлеба, ни дров — только голод и снег.
Там слабеет и гаснет с тоски человек.

Знай, что сердце не лед — от огня не умрет,
Но без щедрого пламени станет как лед,
Пусть пылают поленья, треща и звеня,—
Подложи-ка еще, сердце просит огня!

Там, где гаснет огонь, где сердца холодны,
Там беззвучно рождается ветер войны,
Тихой-тихой змеей он ползет по земле —
Не забудьте, земные, о мирном тепле!

Не забудь, человек, о высоких кострах,
Даже если метели высоко в горах,
Если даже тебя не морозят они, —
Пусть не гаснут костров золотые огни!

Враги

Я без друзей — не могу.
Я без них не могу, как без свежей
Трепещущей рыбы!

Враги...

Когда их нет,
Я как лед на реке таю под солнцем,
Я бегу, бегу,
Как конь без узды!
Я бегу, как ручеек,
Как безымянный ручеек,
Что безымянен так,
Как палец безымянный!

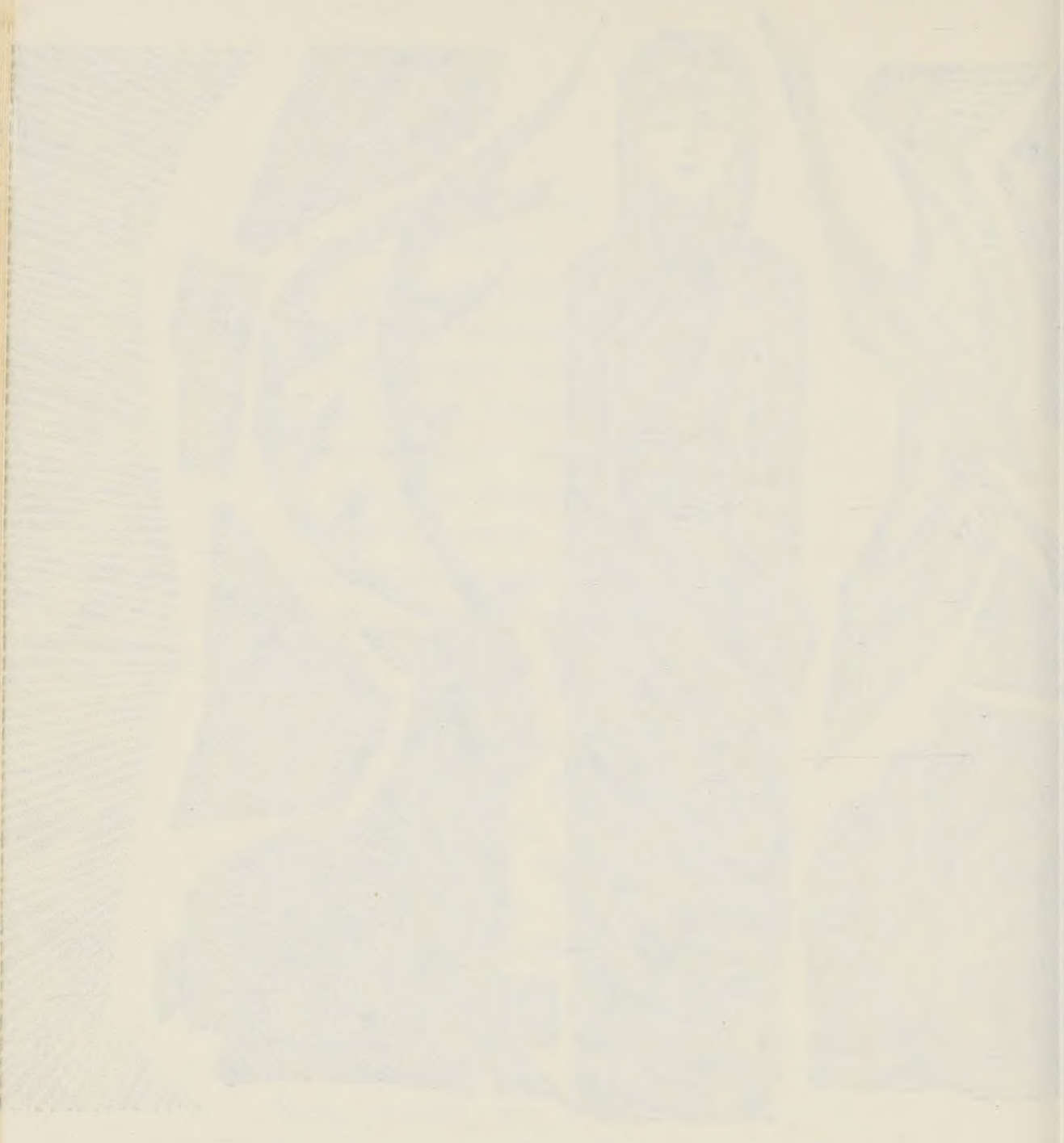
Враги...

Они, как звери, встают на пути,
На том пути, где мое сердце
Бежит на лыжах!
Во мне просыпается охотник!
Душа моя напрягается,
Как тетива
Изогнутого лука,

А глаза мои —
Острее стрел!
Я поднимаю своим взглядом
Зверя на дыбы
И сам поднимаюсь во весь свой
Таежный, медвежий рост...
Я становлюсь морозом —
Я жгу, как мороз!
Я становлюсь костром —
Я жгу, как костер!
Я сам поражен
Своим пламенем!
Недруги моей земли,
Знайте: тот лед на реке,
Что растаял под солнцем,
Испарившись, превратился
В тучу, в тучу, держащую
Молнию в руке,
Превратился в гром...
Но и сама река
Может стать льдом!
Знайте, недруги:
У меня, покладистого,
Есть сила...
Или, увидев, что я силен,
Вы сделаетесь подобострастными?



Орнамент



THOMAS

* * *

Ручьи звенят на всю тайгу
В моем родном краю.
И без ухи я не могу
Представить жизнь свою.

Вся сила в нас от обских рыб,
Крепки мы от ухи.
И мы без рыбы не смогли б
Писать даже стихи.

Кровь рыб, как камень, холодна.
Но наша кровь кипит,
Когда жильцов речного дна
Хозяйка потрошит.

В нас быстрота от резвых щук,
От них порыв и пыл.
А наш осетр, наш добрый друг,
Нас к важности склонил.

В нас нежность сосвинских сельдей,
Напористость язя,
Живучесть с отроческих дней
У нас от карася.

Глаза тайменей молодых
Прекрасны, как цветки.
Мы детям подарили их —
Сынам моей тайги.

Твоя коса, как рыбий хвост,
Красавица моя,
Твой бисер ярче зимних звезд,
Точь-в-точь, как чешуя.

Прыть хариуса-молодца
Нам под душе пришлась,
И от налима-хитреца
Есть кое-что у нас.

Плывет муксун меж скользких глыб...
Рыбак, нельзя дремать!
Так каждый день мы ловим рыб.
А им нас не поймать!

* * *

Если совесть дорога,
Зверя вскинь рогатого на нож,—
Ты от злобного врага
Двух людей, быть может, сбережешь.
Не боясь его копыт,
Ты швырни его на топкий мох,
Пусть тобою он убит,
Но зато спасешь ты четырех.
А влюбленным постели
Путь из шкур звериных и рогов,
Чтоб они, пьянея, шли
И топтали всех твоих врагов.

Бурятский обычай

Есть в Бурятии обычай:
В час большого торжества
Перед гостем, в знак вниманья,
Ставит голову баранью
Старец — пиршества глава.

Нынче я званым гостем сижу на пиру,
Нынче я тот подарок с поклоном беру!
Нож мой скажет: «Спасибо!» — и срежет сперва
Добрый ломтик со лба твоего, голова.

Этот славный кусочек, серьезность храня,
Кину в небо осеннее! С этого дня
Пусть лишь доброе солнце над нами горит,
Пусть лишь доброе в мире навечно царит!

А потом, как саблей, срежу ухо!
Те, кто носит сплетни, сеет беды,
Пусть лишатся на сегодня слуха,
Пусть не слышат дружеской беседы!

Ну, а если кто из них случайно
Все-таки подслушает хоть фразу —
Пусть не сможет выдать наши тайны,
В знак чего — язык отрезан сразу!

А после, сделав все, чему
Обычай научил,
Верну я голову тому,
Кто мне ее вручил.

Счастливым будь, мой брат бурят,
Пусть минет нас беда.
Пусть звезды добрые горят
Над нами навсегда.

А он кивает мне опять —
И слышу не впервой:
— Так, друг! Не только пировать —
Жить надо с головой!

* * *

Ты, как черемуха зимой,
Красой сияешь неживой.
И твой наряд — не твой наряд:
Лед нарумяненной щеки,
И губы краскою горят,
И серьги, словно огоньки...
Но не приманят даже птиц
Лучи покрашенных ресниц.
Ты, как черемуха зимой:
Она и в шубке снеговой,
Сверкает бисер ледяной,
Но нет ни веточки живой.
А я люблю, я так люблю
Черемуху в живом цвету,
Как белую красу свою
Она ласкает на ветру...
Но, краски лживые любя,
Ты вновь напустила себя.

Соболь

**У черного соболя
Повадка особая...**

**...Вдруг прыгнул, красавец,—
Во рту уже заяц.
С ласковой ленью
Подлезет покорно:
Миг — у оленя
Прокушено горло!
...Нырнули бы в омут
И выжить могли бы!
Плачут и стонут,
Буйствуя, рыбы.
Полюбовались
Гладкостью шкуры!
Вот и нарвались,
Дуры вы, дуры...**

Сорока и чайка

— Тира, тира, тира, тира...
Ах, поведай мне сорока,
Не была ль зима жестока?
Ты скажи, сестрица, слово,
Что ты сделала зимой
Для людей большеголовых,
Для родни своей прямой?

— Тррр, чррр, тррр, чррр...
Днем и ночью мне, сестрица,
Для родни пришлось трудиться.
Но сказать не лишним будет,
Что пропали б без меня
Все беспомощные люди,
Наша младшая родня.

— Тррр, чррр, тррр, чррр...
Я свою дала им силу.
Сколько я переносила
На крутых плечах моих!

И в тайгу-то я летала,
И у речки замерзала,
Накормить чтоб лучше их.

— Тррр, чррр, тррр, чррр...—
Так сорока ей трещала...
Но ведь есть людей немало.
Каждый, с виду хоть и прост,
После холода и вьюги
Норовит других заслуги
Нацепить себе на хвост.

Женщина

Женщина, что летом в шали,
С колышашейся, как трава, бахромой,
Модница в шапке из зайца
И в беличьей шубке — зимой,
Полуночная краля
С нагими лунными ногами,
Вечерняя кукла
С безмятежными глазами,
Полуденная скромница
С мозолистыми руками,
В которых кипят дела, —
Извини, что тянемся все мы к тебе —
Ты виновница в этом отчасти:
Ты нас родила.
Ты родила наши желанья и страсти,
Пороки и добродетели — ты родила!

Если несмело
Глазами лисицы взглянет на тебя мужчина,

Значит, и ты когда-то так

На него глядела...

Если глаза мужчины

Вспыхнут вдруг виновато,

Значит, и твои глаза

Горели так же когда-то...

Чего стыдишься?

...Или ты хочешь позабыть

То, что было когда-то, и раз навсегда

Стать современно свободной,

Как бездумная кукушка,

Не помнящая своего гнезда?..

Плач мужчин в женский день

Женщины, таинственным даром каким-то
Вы владеете!
Заснешь — вы придете в сон,
Начинаете ходить в уме...
То готовы расцеловать,
А то отшатнетесь вдруг, как россомаха.
Женщины, таинственным даром каким-то
Вы владеете!
Проснешься — к вам
Тянутся и глаза и руки.
А ноги сами идут по вашему следу,
По следу ваших мыслей.
А если не пойдут ноги за вами,
То над головой
Грянет гром, как бубен шамана,
И женские слова, такие легкие когда-то,
Летят в вас как каменья,
И глаза кидают каменья,

Те глаза, что только что были
Такими прекрасными...
Что поделаешь?
И ноги идут за вами,
Мудрые ноги опять идут
По лисьим следам женского ума.
А еще говорят о равноправии,
Какое же тут равноправие!
Хорошо, что в году есть
Один особый день.
Этот день — Восьмое марта.
В этот день женщины
Не бросят в нас тяжелого взгляда.
Они держат себя в руках.
Они, как добрые богини Миснэ,
Плавают по дому,
А слова у них сладки,
Как яблочный пирог на столе.
А улыбки, как рыбки заливные!
Еще бы хоть один такой день!
О, свобода!..

Обидчик

Воет пес — то волки где-то у забора!
Затряслась осина — вьюга будет скоро.
Женщина рыдает — верная примета,
Что обидчик злобный тут же рядом где-то...

Воет пес — немедля заряди двустволку,
Затряслась осина — двери на защелку!
Женщина рыдает?.. Эй, а не в тебе ли
И грызутся волки и гудят метели?..

Осетры

Не всюду может жить осетр.
Осетр не живет, к примеру, в болоте,
Где зеленая вода стоит как вкопанная,
Мерцая глазами лягушек...

Осетр живет там,
Где широк речной простор,
Где волны, как белые медвежата,
Перекатываются друг через друга...

Осетр плавает не как хищная щука —
Он ни на кого не нападает.
Не от него шарахаются мальки...
Он плавает, поигрывая спинкой, там,
Где захлебываются другие.

Мелюзга смотрит на него с завистью:
Где уж за ним угнаться!
А кто побольше его,
Стараются ему подражать.

Мы все любим осетрину,
Особенно в заливном,
Но мы не все знаем,
Что осетры дают приплод только
Через пятнадцать лет
После своего рождения...

А ведь чтобы вырасти,
Сколько он должен вынести бед,
Сколько трудностей преодолеть!..

О, таланты!
Как редко рождаетесь вы,
Как много трудностей
Встречаете в жизни!
Вы не снуете, как зубастые щуки,
И не квакаете в тине, как лягушки.
Вы, у волны переняв кипенье,
Вечно принимаете удары на себя.
Люди, вы знаете, как вырастает
Талант,
Как он вызревает, сколько
Несчастий его ожидает.
Помогайте талантам,
Не губите, как осетров...

* * *

Кто пасет оленей?..
Встает солнце —
На его груди растут оленята,
Под его теплыми ладонями
Они поднимаются, как трава.

Солнце —
Дневной пастух!
А ночью кто пасет оленей?..

Если глаза у Этпос-кис,
У Луны, смотрят раскосо,
Как глаза азиатки,
То олень — эта молния тайги! —
Примет свою смерть
От зубов волка...

Луна — свет ночи!
Луна —
Ночной пастух оленя!..

Но и солнце не светит
Целый день —
Солнце крадут тучи,
Эти черные воры,
Воры света!
И становится солнце,
Как таежная женщина,
Что лицо закрывает платком
От взоров...

Ночью солнце плавает за Уралом,
Ночью солнце спит...
И вот тогда волки
Кишат, как черви!
Ночью — льется кровь!..
В тайге, как снега весною,
Олени умирают!
А Этпос-кис — луна! —
Такая непостоянная!
То уменьшается, то растет,
То за ветки елей зацепится,
А в мире темно все равно...
В тайге волки точат клыки!
Только человек — настоящий пастух
Оленя!
Только он — друг всего, что живет!

Как вращается земля,
Не останавливаясь ни на миг,
Так сердце человека
Не останавливается...

Травы растут,
Как растут олениа.
Плывут синие весны...
Волки точат клыки!

Оленевод
Стоит посреди земли.

Шаим

*Герою Социалистического Труда
А. Д. Шакшину*

Скажу одно лишь слово:
«Мастер» —
И сны всю ночь уносят зримо
Вдоль по лыжне на снежном насте
К вам,
До Шаима,
До Шаима.
Там, над тайгой, —
Фонтаны газа,
Как в звездах — в каплях нефти лица.
Нефть чиста и огнеглаза,
Как рыбий жир,
В ладонь струится.
Буровики,
И вас пугали
О нашем Севере преданья,
Когда вы в первый раз ступали
Под неуютное сиянье.
Но вы седыми топорами
На синем холоде звенящем
Срубили дом —

И стали сами
Хозяевами снежной чащи.
Сначала вы вдоль звездных просек
Шли осторожно, словно дети.
Потом,
Как молодые лоси,
Вы на плечах подняли ветер.
И вот
Бурильщик в робе грубой,
Открыв свое предназначенье,
Здесь в шар земной
Вгоняет трубы —
Стальную ось
Землевращения.
Я повторяю снова:
«Мастер!!» —
И весь в пурге, как в клочьях дыма,
Встает
Открывший Землю настежь
Здесь,
У Шаима,
У Шаима...

Рыбаки

Кто мы? Кто же мы такие?
Может быть, мы водяные?
Может, попросту бобры...

В час охоты и игры
Среди хладных струй речных
Ловим рыбок золотых.

Бахромой висят хвосты,
Плавники у них колючи.
Может быть, повадки щучьи
От рожденья нам даны?

Наша страсть — над нами власть,
Озорства, азарта страсть.

Сети, удочки, багор —
Это все с тех самых пор,
С тех далеких детских лет
Нас, уже седых, пленяет...

**Рыбок искрометный свет
Фосфорически мерцает.
Знайте! Даже в поздний час,
Когда смерть придет за нами,
Рыбы, звездами лучась,
Проплывут перед глазами.**

* * *

Никогда не замерзнешь в глубоком снегу,
Никогда не замерзнешь в родном краю!
Пусть мороз лютует, сковав тайгу,
Пусть ухватку показывает свою,
Пусть пощелкивает ледяным языком,
Пусть грозит ледяным своим кулаком!
Ты увидел дровишки — и сразу тепло:
Под шершавой корой затаился огонь.
Сказка добрая примет тебя под крыло,
И тоске, и печали сказав: «Не тронь!»
А пословица верный укажет путь...
Будь же смелым, товарищ, и не забудь:
Никогда не замерзнешь в глубоком снегу,
Никогда не замерзнешь в родном краю!

Дом на Мойке

Сердца стук,
И окрик одинокий,
И снежинок белых забытье...
Будто я с горы лечу высокой,
Сердце тяжело падает мое.
Смерть скользнула
 тенью ледяною

В этот дом,
 летающий сквозь буран.

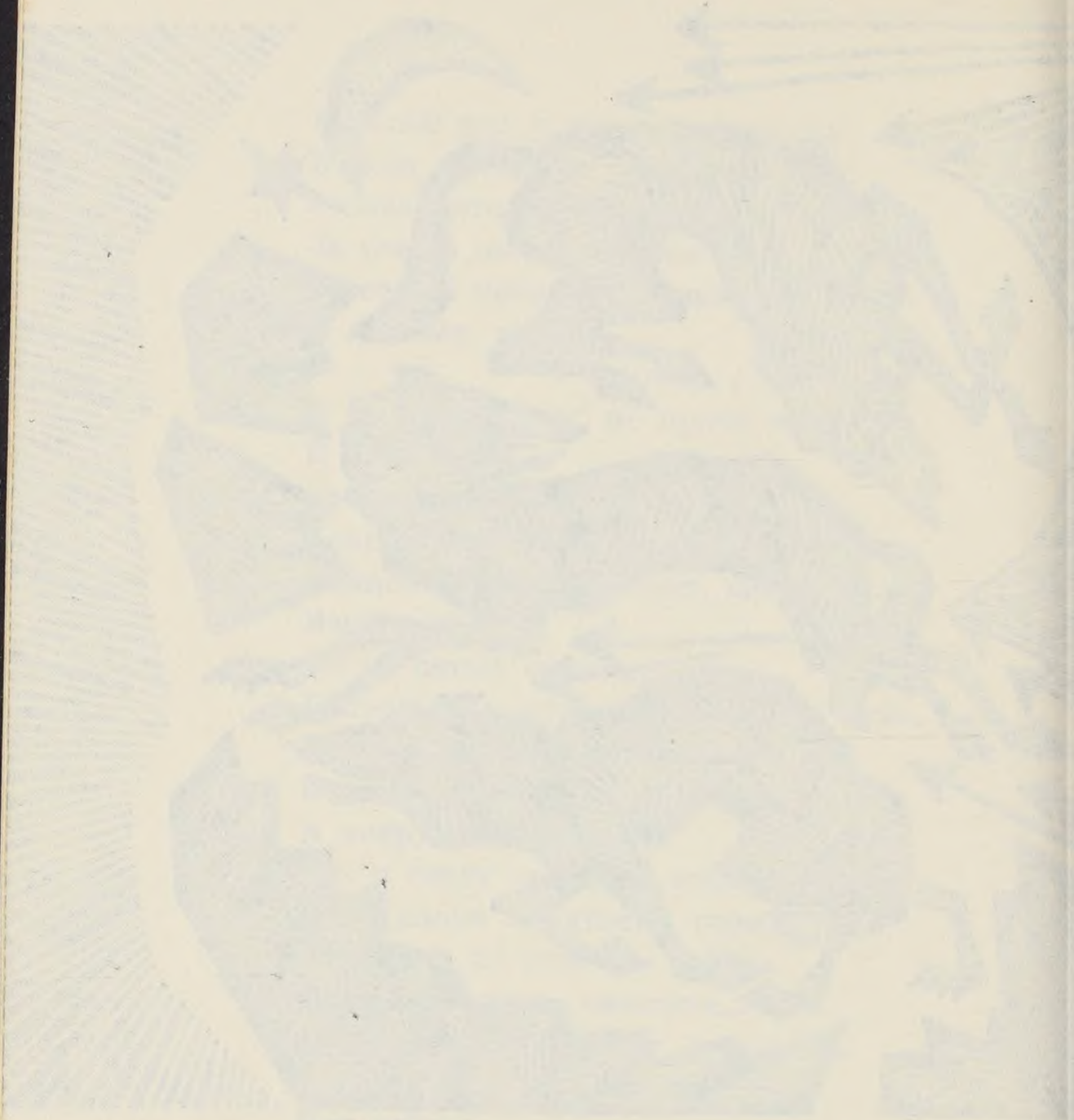
Песнь твоя
Широкою Невою
Вырвалась, бушуя, в океан.
На снега России
Кровь струится,
Проступает взгляд
 из забытья...

Все на свете
 может позабыться —
Боль не позабудется твоя.

Ты свой дар у времени похитил
И наш жребий
Сквозь метельный шквал
За семью озерами увидел,
За семью печатями узнал.
И калмык, придя,
 застыл у входа,
И молчит тунгус, не пряча слез.
Я тебе
От своего народа
Благодарственный поклон принес.
Полночь за окном стоит, как небыль,
Век прошел,
Но не остыл свинец...
Больше, чем пушинок в черном небе,
Верных твоей памяти сердец.
В дом твой входим,
А вокруг — просторы,
Вся в снегу лежащая земля,
И не полки высятся, а горы,
И на них не книги — соболя.
Оживают книги, оживают...
Снег и звезды кружат за окном...
И застыли люди, ожидают;
Вот сейчас
Войдет хозяин в дом!



Идол



THE NORTH

Идол

(Языческая поэма)

1

— Земля моя! Что у тебя за песня? Тайга моя!
Что у тебя за сказки?

— Моя песня — нефть. Моя сказка — газ. Загадка моя — это я сама, — так кратко ответила тайга, не обращая внимания на яркие сполохи северного сияния.

Я прекратил свой опрос, ведь шла вторая половина сложнейшего XX века.

Люди были героями — покорителями природы и космоса. Я решил пройтись и послушать...

Заледеневшая земля проснулась от спячки вековой. Она горячо дышала, снимая с себя тяжелую шубу из густой тайги, опоясываясь железными дорогами и трубопроводами. Она гудела под железными копытами нового кочевья. Сияя от радости, надевала на себя, как драгоценности, переливающиеся огнями города... А герои шли, шли, шли. Шли в пургу, в мороз, в зной. Продираясь сквозь таежные чащи, томящие болота,

голую тундру, они шли, шли, шли... И я был вместе с ними. Я тоже был героем. И мои уши глухли от железного лязга, от рокота моторов. Не все я мог услышать. И мои глаза слепли от резкого света огней: не все я мог увидеть. И я летел на птицах из металла, обгоняя время, не ощущая вращения Земли...

Но как-то раз услышал плач, который вы не могли услышать:

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!

Люди!

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!

Люди!

Если вы еще окончательно не оглохли

От жизни, что несется, как железная птица,—
Послушайте меня.

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!

Услышал я это в верховьях безымянной речки, где бульдозерист, расчищая место для нового поселения нефтяников, увидел почти развалившуюся избушку на «лосиных» ножках. Ее охраняли самострелы, что выглядывали меж древних кедров и лиственниц, ее охраняли плосконосые идолы, окружавшие поляну... Удивленный бульдозерист вытаскивал из избушки черные от старости деревянные сабли и стрелы, лоскутья ма-

тери, шкурки каких-то зверей, маски из бересты, монеты серебряные и золотые, медные амулеты с таинственными орнаментами, цепочки, железки и, наконец, странную куклу в собольей шапке, в одежде, расшитой цветными сукнами, серебром и золотом. Он небрежно побросал все это в снег. И, поразившись всей этой дикости, расхохотался. А я снова услышал плач.

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!

Нет, я не нищий! Я не холоп!

И это вы передо мной ломали

Свои собольи шапки,

А не я перед вами,

Это ваши молитвы,

Как легкие снежинки,

Опадали к моим стопам...

Это ваши глаза были полны озерами слез.

Или вы это уже запомнили?!

Ваши души были темными пещерами,

Полными страха и сомнений.

Вы шли ко мне —

И только я успокаивал вас!

И это все вы в своей памяти

Засыпали мусором,

Зарастили лебедой?

Неблагодарные! Помните:

Уши мои — это два
Остро слышащих ворона,
Глаза мои — это два
Зорко видящих ястреба,
Лишь вздрогнут священные деревья
С семью лоскутками материй,
Что повешены как жертвоприношения, —
И я уже слышу.
Лишь качнутся священные деревья
С шестью лоскутками материй,
И я уже бегу на ваш крик и зов.
Бегу ногами семи лосей
Из-за семи гор,
Сквозь ливни и белый ветер
Бегу в вашей памяти.
Колющийся шиповник семи грив,
Колющиеся ветки семи лесов
Расчесывают мои наряды
Из осенних оленьих шкур.
Вы шептали мне о своей беде
Устами еще дышащего, языкастого зверя.
Для вас я был самым могучим,
Самым великим на свете.
Я опускался туда, под землю,
Где мамонт и где дух зла Куль...
Я уплывал туда,

Где плавает водяной Виткась.
Лишь я мог быть рядом с небом и чертом.
И не боюсь я топей, где ноги ваши вязнут.
И нет такого места на земле,
Где бы ослабели мои руки.
Во имя меня одного
Вы проливали кровь
Лучших белоснежных лошадей.
Оленей круторогих
Вы приносили в жертву,
Возвышая меня над всеми духами, восхваляя
мое имя.

Вы все еще не можете вспомнить,
Как коротка ниточка вашей памяти!
О, как вы ничтожны!
Да ведь это же вы
С своим коротким умом
Создали меня.
И своими живыми руками
Меня вы рубили из дерева —
Из долговечной лиственницы.
Да, я — деревянный идол!
Да, ваш дух!
Да, ваш бог!
Я — ИДОЛ!
ВЫ — ИДОЛОПОКЛОННИКИ.

И я стал вспоминать...

Да это не тот ли самый идол, которому поклонялся мой дед и прадед? Уж не тот ли это идол, который в детстве и на меня наводил ужас? И сердце мое маленькое трепетало, как рыбка в широкой ладони рыбака! Но русская учительница вывела меня из-под чар этого идола и указала мне дорогу, по которой я и пошел...

Тропинку, ведущую к идолу, мансийский народ стал уже забывать... А может быть, в нас этот идол все-таки не умер? Ведь все тогда стали поклоняться другому. Хотя он был и человек... Отчего все это так случилось? Неужели мы в самом деле были другими? Ветерок зашелестел под ухом, и какой-то глуховатый голос раздался из гробовой тишины:

Не на Луне, а на Земле

Стояло капище мое!

Посреди неподвижных кедров

Стояло капище мое!

На четырех ногах, вросших в землю,

Стояло капище мое,

Среди хвои торчали

Острые клювы птиц и стрелы.

Стояло капище мое!
Посреди семи исполинов учи¹,
Чьи глаза выглядывали из шерсти,
В капище моем я сидел...
Тридцать сабель стальных
Дремали в капище моем.
Тридцать масок из бересты²
Плясали в капище моем.
В шелках заморских, в собольей шапке
Сидел я в капище моем.
Лицом из дерева, глазами из дерева
Я глядел на вас, —
Стояло капище мое.
К подножию моему
Подползали вы на четвереньках.
Стояло капище мое.
Не только оленя, но и себя
Принести могли бы в жертву.
Стояло капище мое.
След ноги моей вы целовали.
Стояло капище мое.

¹ Учи — великаны, злые лесные духи. Их высокие шапки, сделанные из конских хвостов, хранятся в избушке рядом с идолом.

² Там же хранятся маски из бересты, которые надевают во время религиозных представлений.

Вы несли ко мне монеты.
Стояло капище мое.
Вы могли бы к ногам моим
Принести планеты.
Стояло капище мое.
Подхалимы всех слаще молились.
Стояло капище мое.
Злые языки за зубы прятались.
Стояло капище мое.
Вверх ногами не ходили.
Стояло капище мое.
Бранью тайгу не оглашали.
Стояло капище мое.
Даже звери не рычали.
Стояло капище мое.
Вы глухарями быть старались.
Стояло капище мое.
Вы слепыми притворялись.
Свой язык вы обрезали.
Лишь бы ты был в капище моем.
Кай-о! Кай-о Кай-о! Йо!
Стояло капище мое.

Да, это был тот самый идол, которому поклонялись мои предки. Я увидел обструганное деревянное лицо, глаза, брови... Когда-то от этого взгляда обмирало все живое... А теперь...

— Пуху! Пу-ху! Пу-ху! —
 Стонет филин где-то.—
 Пу-ху! Пу-ху! Пу-ху! —
 Стонет он где-то рядом уже.
 — Карр! Карр! Карр! —
 Каркают деревья,
 Набитые дочерна вороньем.
 — Халэв лах-лах, лах-лах,
 Лох-лах, лах-лах, лах-лах! —
 Хохочут, заливаясь, чайки.
 — Тырр, чирр, тырр-чирр,—
 Сороки потрескивают своими хвостами.
 — Ха-ха, хи-ха, хо! —
 Хихикают птички-невелички.
 Пуху! Пу-ху! Пу-ху!
 Карр! Карр! Карр!
 Тырр-чирр-тырр!
 Халэв-лах-лах!
 Ха-ха, хи-ха, хо!

Возбужденная тайга пела, ухала, стонала... Трудно было различить голоса певчих птиц от рычания зверей, стука топоров, жужжания бульдозеров...

И кажется, лишь одно поседевшее дерево, скло-

нившееся под тяжестью снегов, проскрипело удивясь:

4

Отчего вы раскричались,
Вдруг прозрели?
Уши ваши ловят слухи,
И язык метет
Во все стороны, как метла?
Отчего вы вдруг проснулись?
И над развороченным снежным настом плыл
долгий стон.

5

Черви зашевелились в бревнах.
Свалилось капище мое.
Соболью шапку крысы съели.
Свалилось капище мое.
В моих шелках выют гнезда мыши.
Свалилось капище мое.
В лицо мне помет кидают
Длиннохвостые сороки.
Свалилось капище мое.
Деревянные глаза мои

Выклевал не дятел-работяга,
А сам черный ворон.
Свалилось капище мое.
Что он там в глазах моих искал?
Что можно найти в деревянных?
Я хочу ему об этом шепнуть,
Но смогу ли?
Свалилось капище мое.
Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Свалилось капище мое.

Время прорастает сквозь мою память. События середины нашего века несутся в медвежьей пляске¹, мелькают маски из бересты² и лица знакомых. А вот одно, особенно знакомое. Оно каждый день плясало в газетах. А сегодня оно застыло в немом вопле.

6

Мне б хотелось, мне б хотелось,
Вкруг меня чтоб все вертелось,—

¹ Праздник охотников после убийства медведя, с песнями, танцами, сатирическими и драматическими представлениями.

² На медвежьем празднике лица, участвующие в сценических представлениях, выступают в берестяных масках с длинным носом. Маска из бересты все вынесет, можно высказывать любую критику.

Чемоданы, миски, чашки,
Петухи, орлы, букашки,
Корабли, огни, газеты,
Гимны, звезды и конфеты,
Сталь, ракеты, черви, стрелы,
Замминистры, управделы,
Мамонты, шайтаны, блохи,
Космонавты, скоморохи,
Волки, идолы, матросы,
Солнце, пьяные, березы.
Так, чтоб шлюхи и герои
Были за меня горою.
Мне б хотелось, мне б хотелось,
Вкруг меня чтоб все вертелось.

7

Я мансийский деревянный идол.
Я сегодня же умру.
Мои деревянные сабли,
Стрелы мои деревянные,
Я их к вашим ногам кладу.
Богатство мое — леса мои,
Где звери с пушистыми хвостами играют,
как дети,
Я вам отдаю навеки.

Реки — вот мои сокровища.
Там рыбы со своими жирными гладкими
боками

Скользят по гладким бокам волн.

Я отдаю вам свои реки.

Недра — вот моя тайна.

Там клокочет жидкое золото,

Я вам его отдаю.

Деревянные мои сабли,

Деревянные мои стрелы...

Опасен ли я для вас?

Я — идол. Я — мертв.

Возможность моего зачатия

Таится в вас самих.

Я — идол. Я — мертв.

Вы — идолопоклонники,

Вы остаетесь жить.

И в ком-то из вас

Я проснусь.

Вы так любите кланяться,

Ох, как любите!

Свои тяжкие грехи,

Как деревья со снегом,

Валить вы любите на других.

А думать сами не любите:

— Пусть боги думают за нас,

Пусть они ворочаются ночью с боку на бок,
Пусть они ломают свои мозги!
А мы кто — так, червяки,
Прикажут — подточим, просверлим.
Вечные идолопоклонники,
Вы меня можете снова родить
И вынянчить в люльке,
В золотой, в солнечной,
И новое имя мне дадите.
Я — идол. Я умер.
Но опасность моего рождения
Таится в вас самих.

8

Под лиственницей юной
Не растут стрелы.
Кай-о! Кай-о! Йо!
Под лиственницей древней
Мой самострел истлел.
Кай-о! Кай-о! Йо!
Под лиственницей юной
Пусть трава растет.
Кай-о! Кай-о! Йо!
Под лиственницей древней
Пусть шапка моя истлеет.

Кай-о! Кай-о! Йо!

Но только прежде я вам скажу:

Кай-о! Кай-о! Йо!

На будущее накажу: Кай-о! Кай-о! Йо!

Не вырубайте из полена

Мое изображение!

Кай-о! Кай-о! Йо!

Не надо лепетать мое имя!

Кай-о! Кай-о! Йо!

Не возносите меня до небес.

Кай-о! Кай-о! Йо!

Не уносите меня в лес священный...

Кай-о! Кай-о! Йо!

Чтобы потом меня же ругать.

Ой-о! Ой-о! Йо!

Чтобы потом опять меня же топтать.

Ой-о! Ой-о! Йо!

Быть среди вас, святым.

Ой-о! Ой-о! Йо!

Будьте сами святыми.

Кай-о! Кай-о! Йо!

Голос новой песни

С давних лет сияет солнце,
С давних пор бушует ветер,
С давних лет бежит на север
Обь, светла и широка.
Много песен Обь слыхала,
Улыбалась песням этим,
А при виде слез горячих
Горько плакала река.

Выхожу на хвойный берег —
Плещет Обь волною старой
И мурлычет:— Я слыхала
Первых сосен разговор,
Помню первый крик гусиный,
Помню первый стон гагары
Над священной водою,
Над безлюдием озер.

Помню, как рождались люди,
Как брели — искали счастья,
С дед-морозом выходили
На жестокие бои.

Их секли-хлестали вьюги,
Ночь зияла черной пастью.
Вместе с манси коченели
Воды нежные мои.

Гнулись голые деревья,
Человек плутал в метели,
Но под коркой ледяною
Напрягала слух волна.
Много сказок я слыхала,
Много песен люди пели,
Но душевнее и краше
Среди всех других — одна.

Надо мной она струится
Золотым весенним светом,
Имя Ленин легкой чайкой
Прикасается ко мне.
Сколько их, крылатых чаек,
Сколько длинных дней у лета!
Глянь в глаза ночам коротким,
Удивись голубизне!

Плач гагар совсем не слышен —
Только чаек смех счастливый.
— Ленин, Ленин, — имя Ленин
Шепчут стройные леса.
— Ленин, Ленин, — слово Ленин
Говорят весны разливы,

— Ленин, Ленин, милый Ленин,—
Вторят птичьи голоса.

Берег мой богат народом,
Как зеленый луг цветами.
Стая белых пароходов
Гуще стаи лебедей.
Веселей проворной рыбы
Пляшут манси быстрый танец,
Светит радость вечным солнцем
Над живой водой моей.

Если раньше я смывала
Слезы с глаз, слепых от дыма,
Если раньше я смывала
Грязь и вшей с людских одежд,
То теперь к моей стремнине
Ходят люди-побратимы
И целуются влюбленно,
Полны ласки и надежд.

Может, воздух белой ночи
Шепчет им, влюбленным, сказки?
Но и раньше тоже были
Ночи-сказки, ночи-сны.
Было все: и крик лебяжий,
И цветы, и рыбы пляски,
И медовое дыханье
Новорожденной весны.

Было все, но все сегодня
Стало вечным, стало новым,
И улыбка человека
Стала щедрой — не скупой.
Это ленинскую радость
Носят люди, как обнову!
Слышу голос новой песни —
Спой ее погромче, спой!

СОДЕРЖАНИЕ

Тажные сны

Глаза белой ночи. Перевод <i>Е. Винокурова</i>	7
«Утро...» Перевод <i>Е. Винокурова</i>	10
«Звезды на снегу блистают...» Перевод <i>Г. Семенова</i>	12
Звери. Перевод <i>Е. Винокурова</i>	15
«Солнца луч у берега играет...» Перевод <i>Н. Грудиной</i>	18
Солнышко. Перевод <i>И. Фонякова</i>	20
Мне снится русая богиня. Перевод <i>Н. Злот-</i> <i>никова</i>	21
«На вершине дерева сильный ветер...» Пе- ревод <i>Е. Винокурова</i>	24
Человек родился. Перевод <i>О. Шестинского</i>	26
Я опять о вас, мои земляне... Перевод <i>Н. Грудиной</i>	29
«От зари яркий свет...» Перевод <i>Н. Кутова</i>	31
Молитва к судьбе. Перевод <i>И. Фонякова</i> .	32

Приходите погреться. Перевод <i>Н. Грудининой</i>	35
«Эти строки, словно ветер...» Перевод <i>Н. Грудининой</i>	37

Миснэ

Миснэ. Перевод <i>Д. Сухарева</i>	41
«Два весла в ладонях у меня...» Перевод <i>Е. Винокурова</i>	43
«Без тебя — земля темна...» Перевод <i>Н. Злотникова</i>	44
Если б так душа моя... Перевод <i>Г. Семенова</i>	45
«Мы вдвоем с тобой сидели...» Перевод <i>Г. Семенова</i>	47
«Шли два сердца рядом...» Перевод автора	48
Ты. Перевод <i>Е. Винокурова</i>	49
«Щурится солнце...» Перевод <i>А. Поперечного</i>	50
Имя. Перевод <i>Е. Винокурова</i>	51
Небесная Миснэ. Перевод <i>Е. Винокурова</i>	52
«Где над отмелью низкой...» Перевод <i>Н. Злотникова</i>	55

«Скажите, кто крикнул с презрительной миной...» Перевод <i>Т. Жирмундской</i> . . .	57
«Хотел бы улететь с твоей груди...» Перевод <i>Е. Винокурова</i>	58
Комсомолки революции. Перевод <i>Н. Кутова</i>	59
«Когда солнца луч...» Перевод автора . . .	62
«Горит звезда в твоём окне...» Перевод <i>Вад. Рабиновича</i>	63
Мой идол. Перевод <i>Вад. Рабиновича</i> . . .	64
От любви твоей высокой. Перевод автора	66

Каменные деревья

Каменные деревья. Перевод <i>Е. Винокурова</i>	69
Знал ли я? Перевод <i>Н. Грудиной</i> . . .	71
Еще о городе. Перевод <i>Н. Грудиной</i> . . .	73
Тем, кто хочет бросить пить. Перевод <i>Н. Грудиной</i>	75
«Рано мать моя скончалась...» Перевод <i>И. Григорьева</i>	77
Жив еще шайтан. Перевод <i>Е. Винокурова</i>	79
«Не тревожьтесь, если хмуро...» Перевод <i>И. Фоякова</i>	82

«Словно белка по деревьям...» Перевод <i>Н. Грудиной</i>	85
«Люди сердце не щадят...» Перевод <i>Н. Гру-</i> <i>диной</i>	87
Заклинанье браконьера. Перевод <i>Н. Гру-</i> <i>диной</i>	89
Дикари двадцатого столетия. Перевод <i>Н. Грудиной</i>	91
«Если даже весна...» Перевод <i>Н. Грудини-</i> <i>ной</i>	93
Враги. Перевод <i>Е. Винокурова</i>	95

Орнамент

«Ручьи звенят на всю тайгу...» Перевод <i>О. Шестинского</i>	99
«Если совесть дорога...» Перевод <i>А. Горо-</i> <i>децкого</i>	101
Бурятский обычай. Перевод <i>И. Фонякова</i> .	102
«Ты, как черемуха зимой...» Перевод <i>С. Да-</i> <i>выдова</i>	104
Соболь. Перевод <i>Е. Винокурова</i>	105

Сорока и чайка. Перевод <i>А. Городецкого</i>	106
Женщина. Перевод <i>Е. Винокурова</i>	108
Плач мужчин в женский день. Перевод <i>Е. Винокурова</i>	110
Обидчик. Перевод <i>Е. Винокурова</i>	112
Осетры. Перевод <i>Е. Винокурова</i>	113
«Кто пасет оленей?..» Перевод <i>Е. Виноку-</i> <i>рова</i>	115
Шаим. Перевод <i>А. Аквилева</i>	118
Рыбаки. Перевод <i>Вад. Рабиновича</i>	120
«Никогда не замерзнешь...» Перевод <i>И. Фо-</i> <i>някова</i>	122
Дом на Мойке. Перевод <i>Льва Смирнова</i>	123

Идол

Идол. Перевод <i>Е. Винокурова</i>	127
Голос новой песни. Перевод <i>Н. Грудининой</i>	142

**ЮВАН НИКОЛАЕВИЧ
ШЕСТАЛОВ**

Глаза белой ночи

Редактор Е. Н. И м б о в и ц
Художник А. А. М а н у и л о в
Художественный редактор В. В. Щ у к и н а
Технический редактор Н. Е. Б о я р с к а я
Корректор В. Н. К р ы л о в а

Сдано в набор 6/VII-67 г. Подписано к печати
4/XI-67 г. Формат бум. 60×90^{1/32}. Физ. печ. л.
4,75. Уч.-изд. л. 3,7. Изд. инд. ЛХП-52. А12368.
Тираж 10 000 экз. Цена 40 коп. Бум. № 1.

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров
РСФСР, г. Электросталь Московской области,
Школьная, 25. Заказ № 653.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы
об этой книге и пожелания
присылать по адресу: Моск-
ва, Центр, проезд Сапунова,
д. 13/15, издательство «Совет-
ская Россия».



40 коп.

«СОВЕТСКАЯ
РОССИЯ»



РНФ

Государственная библиотека Югры